

Олег Заславский

Скрытый аномальный сюжет в "Тамбовской казначейше"

"я никогда сам не открываю своих тайн, я ужасно люблю, чтобы их отгадывали, потому что таким образом я всегда могу при случае от них отпереться."

М. Ю. Лермонтов. "Герой нашего времени."

Предварительные замечания

Поэма М. Б. Лермонтова "Тамбовская казначейша" стала хрестоматийной. Несмотря на это, последовательный анализ ее сюжета как единого целого практически не проводился. Что самое удивительное – осталось незамеченным, что даже на чисто читательском уровне в интерпретации поэмы остаются существенные пробелы и искажения. Экзотичность сюжета заслонила в глазах читателей и исследователей вопрос о его внутренней стройности. Между тем, при минимально непредвзятом прочтении здесь обнаруживается целый ряд странностей. Автор рассыпал по всему тексту ряд намеков, которые до сих пор остались непрочитанными. Мы утверждаем, что в "Тамбовской казначейше" присутствует явление, получившее в последние годы в исследовательской литературе название "скрытый сюжет". Это понятие пока еще не стало привычным и зачастую в инструментарии современного литературоведа отсутствует. Однако целый ряд наблюдений, независимо сделанных разными исследователями по отношению к разным произведениям и авторам, заставляет всерьез отнестись к таким вещам¹.

Однако необходимо сделать существенную оговорку. В данном случае (в отличие от других работ о скрытом сюжете) мы не знаем аутентичного текста. Два фактора исказили замысел Лермонтова – вмешательство цензуры и правка Жуковского. Что касается цензуры, то хотя бы частично понятно, в чем заключаются ее проявления – это относится к заглавию и пропуску ряда строк. Что же касается правки, совершенной Жуковским, то ее суть до сих пор остается гадательной. Но, как это ни покажется странным на первый взгляд, именно аномалии во внутренней структуре текста позволяют

¹ Теоретическая дискуссия на эту тему или обзор соответствующих работ выходят за рамки нашей статьи. Поэтому просто ограничимся ссылками на три работы в качестве примеров: Рецептер В. Э. – „Я жду его”: Скрытый сюжет „Скупого рыцаря”. Звезда, № 2, 2001. Пеньковский А. Б. 2003. Нина. (Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении.) М., Индрик. 2003. Заславский О. Б. – "Сцены из рыцарских времен": Обрыв сюжета как признак завершенности текста. Toronto Slavic Quarterly 2010, No 32.

хотя бы частично и предположительно прояснить мотивы этой правки. Таким образом, речь идет о *двойном* исследовании скрытых элементов текста – как собственно лермонтовского, так и его искажений, принадлежащих Жуковскому. Вне всякого сомнения, такая двойная реконструкция является лишь гипотетической. Но, поскольку надежды найти рукопись Лермонтова практически нет, в данной ситуации мы считаем указанный подход оправданным. По крайней мере, мы указываем на проблему и ставим вопрос о том, что ряд элементов текста (по которым ранее скользил, не останавливаясь, взгляд исследователей) на самом деле нуждается в объяснении. Обратимся же к тексту².

Дуэль на картах

Если свести вместе и сопоставить несколько ключевых сюжетных узлов, сразу же обнаруживаются странности. После того, как казначей стал невольным свидетелем сцены со своей женой и уланом, естественно было ожидать, что оскорбленный муж вызовет обидчика и соперника на дуэль. Именно так и понял дело Гарин: *"Дома пули И пистолеты снарядил, Присел — и трубку закурил."* (136). Вместо этого ему приносят записку с приглашением на вист. У Гарина возникает вполне естественное предположение: *"Уж не обман ли тут какой?"* (136). Неслучайно он думает *"А всё засунуть — или нет? — В карман на случай пистолет."* (136).

Таким образом, приглашение на вист – это заменитель обычной дуэли, при помощи которого обиженный муж собирается, казалось бы, отомстить кандидату в любовники своей жены, а карты вместо пистолетов – это выбор дуэльного оружия. Казначей выбрал именно то оружие, в котором был силен. Об этом персонаже ясно говорится, что он был опытным шулером: *"Его крапленые колоды Не раз невинные доходы С индеек, масла и овса Вдруг пожирали в полчаса"* (122), о карточном банке сказано, что *"Его держал сам казначей Для облегчения друзей"* (138). Во время игры у него как правило был помощник:

Вот, в полуфрачке, раздушенный,
Времен новейших Митрофан,
Нетесаный, недоученый,
А уж безнравственный болван.
Доверье полное имея
К игре и знанью казначея,
Он понтирует, как велят —

² Цитаты из "Тамбовской казначейши" мы даем по изданию Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955—1957 с указанием номеров страницы в скобках.

И этой чести очень рад.
(138 – 139)

Существенную роль в этом шулерстве играла и жена казначея:

Предав ей таинства науки,
Как бросить вздох иль томный взор,
Чтоб легче влюбчивый понтёр
Не разглядел проворной штуки,
(123)

Мы видим, что казначей был перед карточной дуэлью во всеоружии. Казалось бы, ему ничего не стоило отомстить обидчику, обыграв его. Тем более, что действия казначея выглядят как следование обдуманному плану, где на его стороне были все преимущества. Однако, он терпит сокрушительное поражение: странным образом казначей в столь важной для него игре начал сразу же проигрывать. Причем проигрыш был тотальным: казначей *только* проигрывал.

Напрашивается неизбежное предположение: казначей *проигрывал специально, это было частью плана.*

Столь неожиданное предположение лишь на первый взгляд выглядит невероятным. Для начала укажем на ряд интертекстуальных параллелей.

Параллель с "Демьяновой ухой"

О реакции выигравшего улана сообщается следующим образом:

Ее в охапку
Схватив — с добычей дорогой,
Забыв расчеты, саблю, шапку,
Улан отправился домой.
(142)

Здесь содержится отсылка к басне А. Н. Крылова "Демьянова уха":

Схватя в охапку
Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой —
И с той поры к Демьяну ни ногой³.

³ Крылов И. А. Полное собрание сочинений. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1945—1946. Т. 3, с. 102.

Об этой параллели уже писали другие исследователи. Вот, например, что сказано в статье Наймана: "Отзвуки басни Крылова были отмечены еще Л. П. Семеновым в его книге «Лермонтов. Статьи и заметки» (М., 1915, стр. 251); но это наблюдение, по-видимому, осталось забытым, а его смысловая функция не раскрытой. Между тем включение в поэму цитаты из «Демьяновой ухи», столь не соответствующей «трагическому» финалу, подчеркивает ироническое отношение Лермонтова к мнимым страданиям героини"⁴. Однако Найман не учел, что соответствующие басне Крылова строки в "Тамбовской казначейше" относятся не к героине, а к улану. Уже одно это делает его интерпретацию поверхностной и неточной, так что оценку, которую Найман дал наблюдению Семенова, можно повторить и по отношению к его собственной работе. Чтобы прояснить смысл отсылки к басне, следует сопоставить общую структуру ситуаций в обоих произведениях. Дело в том, что в этой басне хозяин *по собственной инициативе избыточно* накормил гостя вкусным продуктом. Надо полагать, что сходным образом поступил и банкомет с уланом – именно это и придает смысл сравнению. Если же считать, что банкомет проиграл случайно, в силу невезения, такое сопоставление лишается смысла.

Параллели с "Штоссом"

Неоднократно в литературе о "Тамбовской казначейше" отмечались параллели с "Штоссом". В том числе, это сделано в упомянутой выше работе Наймана (стр. 19 – 21). Однако и здесь из наличия параллелей не было сделано должных выводов. Дело в том, что, как бы ни реконструировать сюжет "Штосса", представляется вероятным, что старичок должен был проиграть, и это радикальным образом повлияло бы на его судьбу и удерживаемого им "видения" (связанного с его дочерью). "Очевидно, проигрыш старика разрушил бы заколдованный круг и освободил бы ее или их обоих — вероятнее всего, для могилы"⁵. Таким образом, в обоих случаях – и в "Штоссе" и (согласно нашей интерпретации) в "Тамбовской казначейше" – непосредственная цель игрока состоит не в том, чтобы выиграть, а в том, чтобы проиграть. И в обоих случаях объект желанного проигрыша теснейшим образом (родственными или брачными узами) связан с игроком.

Параллели с "Выстрелом"

В произведении содержатся довольно очевидные параллели с "Выстрелом":

Шутя однажды после спора

Всадил он другу пулю в лоб;

⁴ Б. В. Найман. Фантастическая повесть Лермонтова. Филологические науки, № 2 (38), 1967, стр. 21.

⁵ Вацуру В. Э. Работы о Лермонтове. 2008., М., Новое издательство, стр. 166 – 167.

Шутя и сам он лег бы в гроб,

(126 – 127)

Этому соответствуют слова Сильвио во время 2-й дуэли с графом: "*— «Он всегда шутит, графиня, отвечал ей Сильвио; однажды дал он мне, шутя, пощечину, шутя прострелил мне вот эту фуражку, шутя дал сей час по мне промах; теперь и мне пришла охота пошутить....»*"⁶.

Еще важно, что Сильвио заставил графа выстрелить по себе, о чем сам говорит: "*я заставил тебя выстрелить по мне, с меня довольно.*"⁷ То есть Сильвио демонстрирует то, что можно назвать аномальным поведением. А именно: месть осуществляется таким образом, что **мститель временно превращает себя в жертву**.

Более того, помимо явленных в тексте сюжетных перипетий, здесь, дополнительно, напрашивается интерпретация в том же духе и некоторых других особенностей дуэли в "Выстреле". Оба раза при жеребьевке оказывается, что именно графу достается стрелять первым. На 1-й дуэли это еще можно отнести на счет случайности. Однако, что касается 2-й (когда Сильвио пришел к графу), детальность плана, разработанного Сильвио, заставляет предположить, что он специально подстроил дело так, чтобы графу достался 1-й номер (соответственно, Сильвио сознательно подставляет себя под пулю). И хотя это остается не более чем предположением (как ни странно, практически не обсуждавшимся в работах о "Выстреле"), можно думать, что Лермонтов интуитивно уловил его суть и откликнулся на это явление в своем произведении – общие схемы ситуаций совпали.

Аномальный сюжет как свойство поэтики Лермонтова

Выше мы привели три параллели между "Тамбовской казначейшей" и другими произведениями. В том числе одно из них принадлежит самому Лермонтову. Это неслучайно. Ранее нами уже отмечалось, что в поэтике Лермонтова (в том, что касается сюжета) является выделяется целая категория, названная нами ранее "аномальным сюжетом"⁸. Она охватывает ситуации, когда герой добивается своей цели, лишь сыграв "на понижение" и предоставив видимое преимущество врагу. Приведем один пример. В "Княжне Мери" Печорин, становясь на краю пропасти, сводит к минимуму вероятность безопасной раны, подвергая себя смертельному риску (подобно тому, как Сильвио ради

⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959. Т. 8, кн. 1. Романы и повести. Путешествия. —1948, с. 74.

⁷ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений..., с. 74.

⁸ О. Б. Заславский. Между драмой "Два брата" и романом "Княгиня Лиговская" (об одном лермонтовском наброске) Известия РАН. Серия литературы и языка, № 6, 2011, стр. 37-43.

осуществления своего замысла о моральном уничтожении графа шел на смертельный риск, подставляя себя под пулю). И только после этого он разрушает интригу своих врагов: добивается, чтобы его пистолет зарядили, и убивает Грушницкого.

В случае "нормального" сюжета герой напрямую стремится к цели, используя соответствующие этому средства (т.е. направленные непосредственно в свою пользу и против врага), и успех его предприятия означает торжество героя. В случае же аномального сюжета герой стремится лишиться себя обладанием объекта, в котором заключена для него высшая ценность, либо лишает ценности сам этот объект. А если герой в произведении с аномальным сюжетом все же добивается намеченной цели "нормальным" образом, то он терпит сокрушительный крах именно из-за своего успеха. (Более подробно свойства аномального сюжета обсуждаются в цитированной выше нашей работе, где содержится и целый ряд других примеров.)

В произведении содержится отсылка к жанру сказки: почти в самом начале, т.е. структурно выделенном месте, говорится: "Прошу послушать эту сказку!". Как известно, для сказки существует жесткая схема возможных типов сюжета. В его конечной точке герой добывает девицу и получает царство⁹. На фоне столь жестко требуемой закономерности особенно ярко выделяется ее (предположенное нами) нарушение. В "Тамбовской казначейше" герой, согласно сказанному выше, не добывает себе будущую жену, а сбывает имеющуюся, а заодно и принадлежавшее ему имущество. Иначе говоря, "добывает" отрицательную сущность, переворачивая стандартную сказочную схему¹⁰.

Побудительные мотивы

Аналогии в типологических схемах, которые охватывают разные произведения или их группы, важны, но еще недостаточны для доказательства присутствия аномального сюжета – здесь требуется еще обоснование, исходя из самой внутренней структуры произведения. В данном случае следует рассмотреть вопрос о психологическом правдоподобии и прояснить вопрос о том, что же могло оказаться побудительным мотивом для столь экстравагантного действия со стороны главного героя. Здесь, как представляется, ключевой момент связан с проблемой мужского статуса главного героя.

Любил трепать ее ланиты

Разнежась старый казначей.

⁹ В. Я. Пропп. Морфология волшебной сказки. М., Наука, 1969.

¹⁰ В качестве другого примера аномального сказочного сюжета в русской литературе (причем близкого по времени) можно привести "Сказку о золотом петушке" А. С. Пушкина. См. О. Б. Заславский. Сказка о золотом петушке А. С. Пушкина: сюжет о добывании беды. Russian Literature 2007, 62/2, pp. 241-254.

Как жаль, что не было детей
У них! - - - - -¹¹
(124)

Жизнь без любви такая скверность;
А что, скажите, за предмет
Для страсти муж, который сед?
(130)

Став свидетелем сцены между уланом и женой, казначей мог увидеть неизбежность своего проигрыша как мужчины. Тогда выходку казначея (отношения которого с женой, возможно, и так ограничивались лишь тем, что он "трепал ее ланиты" и использовал как помощницу в карточной игре) можно понять как стремление "уйти красиво", остаться в выигрыше: не его бросили или изменили ему, а он сбыл жену с позором для нее и ее любовника¹².

Но для того, чтобы поставить жену на карту, требовалось какое-то исключительное обоснование перед обществом игроков и наблюдающих за игрой. Такое обоснование и было создано ситуацией тотального проигрыша, так что ставка на жену выглядела как последнее средство отыграться. (На самом деле, с его умениями и помощниками, шулер-казначей вполне мог отыграть свое имущество и потом.)

Как наличие самого аномального сюжета, так и суть побудительных причин для действий героя не даны (и не могли быть даны) в тексте явно. В этом отношении представляется неслучайным обилие прочерков, указывающих на пропущенные строки.

¹¹ Далее, согласно дополнениям Висковатого, шло «— О том причины скрыты»; «Но есть в Тамбове две кумы, У них, пожалуй, спросим мы» (строфа 12). См. об этом Найдич Э. Э. Комментарии. // Лермонтов. Собрание стихотворений в 2-х т. Том 2. 1989, стр. 644. Аутентичность этих строк остается до сих пор под вопросом, однако они прекрасно соответствуют характеру намека, представленного в тексте. В любом случае, даже и без этих строк намек выглядит достаточно ясным.

¹² В произведении встречается и пример другого рода, когда супружеские отношения не реализуются по инициативе жены, которая заменяет их чем-то другим (в данном случае не игрой, а "магнетизированием"):

Такая мудрая супруга,
В часы любовного досуга,
Вам вдруг захочет доказать,
Что 2 и 3 совсем не пять;
Иль, вместо пламенных лобзаний,
Магнетизировать начнет —
И счастлив муж, коли заснет!.. (133)

Традиционно это объясняется действием цензуры, но по-видимому здесь проявила себя поэтика произведения (на что, действительно, наложился и результат цензуры).

Что же касается улана, то он оказался одурачен. Можно думать, что обман, которого он опасался ("Уж не обман ли тут какой?") действительно произошел, но улан этого, разумеется, так и не понял. Видимо неслучайно сообщается, что при вступлении полка улан в город музыканты играли марш из "Двух слепых" – здесь название произведения указывает на неспособность увидеть реальность.

Есть еще один простой аргумент в пользу версии о намеренном проигрыше. Представим себе, что проигрыш произошел случайно. Тогда первая часть произведения (до того, как казначей начал проигрывать) и вторая (начиная с его «невезения») оказываются причинно не связанными. Рассказ о казначее, его жене, эпизод с уланом – все это выпадает из общего развертывания сюжета, так что рассказ о проигрыше вполне можно было бы дать в качестве самостоятельного произведения. И наоборот – именно аномальный сюжет соединяет воедино обе части, придавая произведению стройность и цельность.

Противоречия

На наш взгляд, приведенные выше аргументы самого разного характера складываются в стройную систему, подтверждающую наличие аномального сюжета и намеренный проигрыш казначеем своей жены. Однако, вместе с тем, в тексте содержатся описания, которые такой интерпретации противоречат (или, по крайней мере, не вполне ясно, как их с ней согласовать). Это – строки "Но банкOMET Был нем и мрачен" (139), "Он взбесился — И проиграл свой старый дом, И всё, что в нем или при нем" (139), "Сидел он бледный и безмолвный" (139), "Над стариком судьба смеялась" (141). Они говорят о том, что действия казначея носили импульсивный характер, а проигрыш имущества и жены он воспринял как катастрофу.

Таким образом, одновременно в произведении действует две тенденции. С одной стороны – дана россыпь намеков на скрытый аномальный сюжет, лежащий в основе проигрыша жены (в том числе в его пользу говорит элементарная логика, как это рассмотрено нами выше). С другой стороны – описана вполне нормальная реакция проигрывающего человека. И то и другое является, на наш взгляд, достаточно убедительным. Как же совместить это, как разрешить имеющееся противоречие?

Искажения текста

Для дальнейшего представляется уместным напомнить кое-что об издательской судьбе произведения. Имеется рассказ И. И. Панаева, согласно которому Лермонтов "был взбешен за напечатание без его спроса „Казначейши“ в „Современнике“" и даже "порывался разорвать тетрадку "Современника", где была напечатана эта поэма"¹³. Это сведения были существенно скорректированы в собрании сочинений, изданных под редакцией П. А. Висковатого. Там Висковатый со ссылкой на свидетельство А. А. Краевского пишет, что негодование Лермонтова вызвало вовсе не издание без спроса, а искажение текста, произведенное Жуковским, поскольку Жуковский «некоторые стихи переделал и дал им другое значение, а кое-что выпустил»¹⁴. Это свидетельство упоминается в некоторых собраниях сочинений. Например, в академическом собрании прямо со ссылкой на него говорится, что "Текст поэмы, видимо, пострадал не только от вмешательства цензуры, но и от редакторской правки Жуковского"¹⁵.

По непонятным причинам, в последнем 4-томном издании Лермонтова эти сведения даны совершенно иначе. Приводится только свидетельство Панаева, о критических замечаниях Висковатого в его адрес, которые он сделал со ссылкой на прямое свидетельство Краевского, не говорится ничего. Все искажения текста, согласно комментариям, сводятся лишь к замене слова "Тамбов" и производным от него литерой *T*, а также вычеркнутым строкам. Причем про источник искажений обтекаемо сказано, что "цензура, а может быть, и редакция, вычеркнула 26 строк", так что имя Жуковского не упоминается вообще¹⁶.

Попытка объяснения

До сих пор мы просто анализировали имеющийся текст. Теперь, по необходимости, приходится вступать в область гипотез, связанных с различием между оригинальным (неизвестным) лермонтовским текстом и тем, который есть в нашем распоряжении. По нашей гипотезе, именно искажения, произведенные Жуковским, сыграли решающую роль в искажении не только текста, но и общего авторского замысла. Можно думать, что сильнее всего пострадали как раз те места, в которых был реализован аномальный сюжет,

¹³ Панаев И. И. Из "Литературных воспоминаний". // Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989, Худ. лит., стр. 308.

¹⁴ Лермонтов М. Ю. Соч. под ред. Висковатова, М., Издание В. Ф. Рихтера, 1891. Т. 6, стр. 294.

¹⁵ Лермонтов М. Ю. Сочинения в шести томах. — 1954—1957. Том четвертый: Поэмы, 1835—1841. М.-Л. Издательство АН СССР, стр. 407.

¹⁶ Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений. Спб. 2014. Т. 2., стр. 634.

т.е. описание карточной игры и реакции банкмета на ее результаты. Это было связано с тем, что с точки зрения "здорового смысла" соответствующие описания представлялись ошибкой или недоработкой автора, погрешившего против нормальной логики. Хотя на самом деле именно в этих аномалиях и заключалась самая соль.

Поэтому наша гипотеза заключается в том, что Жуковский спрямил и по сути убил во 2-й части произведения (начиная с описания реакции казначея на проигрыш) аномальный сюжет, добавив такое психологическое обоснование событиям, которое соответствовало бы "нормальному" сюжету. (А то, что при этом между обеими частями произведения возникли логические противоречия, он не понял именно потому, что не обнаружил истоки аномального сюжета в первой части.)

На этом приходится остановиться, так как указать, даже предположительно, что именно сделал Жуковский, нет никакой возможности. Неясно даже, насколько сильно он вторгся в текст – в принципе, в некоторых случаях достаточно было всего лишь изменить знаки препинания, чтобы смысл стал другим¹⁷.

И, даже не зная деталей, можно утверждать, что при редакторской правке аномальность в результате могла только уменьшиться – т.е. сюжет приобретал более "логичный" вид. А то, что с "нормальной" точки зрения выглядело несообразностью, приглушалось. Таким образом, аномальность сюжета в исходном авторском тексте была больше или (в крайнем случае) равна аномальности известного.

Общие замечания

Вообще говоря, аномальный сюжет и скрытый сюжет – это два совершенно различных понятия. Аномальность (по отношению к любым общепринятым нормам) может быть заявлена в тексте открыто, а неявные элементы, составляющие скрытый сюжет, могут не содержать в себе ничего аномального. Однако в данном случае, если приведенные выше соображения (с необходимостью гипотетические) правильны, мы имеем дело с весьма необычной ситуацией. 1) Аномальный сюжет является скрытым. 2) Вторжение внешнего фактора исказило авторский замысел таким образом, что привело к противоречию между явным и скрытым сюжетами.

Отметим обстоятельство общего характера. Произвольное вмешательство в авторский текст – со стороны не только цензуры, но и редактора – всегда чревато искажением авторского замысла, который может быть редактору непонятен. Но особенно

¹⁷ Скажем, смысл фразы "Над стариком судьба смеялась" будет совершенно разным в зависимости от того, поставить в конце вопросительный знак или (как это печатается сейчас) тире.

ситуация обостряется, когда текст содержит содержательные скрытые элементы – например, анаграммы или скрытый сюжет. В этом случае исходный замысел может вообще разрушиться.

К сожалению, текст, искаженный Жуковским, восстановить уже невозможно. Однако изучение внутренней структуры произведения хотя бы позволило гипотетически указать на "шов" между двумя частями произведения, оставленный вмешательством Жуковского, и (также гипотетически) выявить причину искажения, связанную с характером прочтения текста, т.е. литературными факторами. Если наша гипотеза правильна, то получается, что текст выдающегося поэта пострадал главным образом не от цензуры, а от того, как его прочел другой выдающийся поэт.